

сфальшывіла раптоўнае шчасце – пазбаўленне страху быць пакараным за ўчыненнае, але цяпер гэтая пагроза існуе для іншага. Такая праблема паўстае таксама і ў апошнім, трэцім светапоглядным перыядзе творчасці М. Гарэцкага, напрыклад у творы “Лявоніус Задумекус” (1931–1932), дзе прысутнічаюць падобныя звароты пісьменніка да сябе: “Лячы ж яго, лячы, Лявоніус Задумекус! Табе даецца магчымасць, – лаві ж яго за хвост, блазэнны імпатэнце, бо, можа, яна апошняя ў цябе...” (Гарэцкі 1993, 55). У прыведзеным фрагменце яднаюцца трагічная самаіронія пісьменніка-філосафа і погляд на сябе збоку.

Такім чынам, праблема дыялектыкі душы ў творчасці М. Гарэцкага выяўляецца на розных узроўнях, у розным кантэксце, у розных абставінах у шматлікіх творах. Дактрына, сфармуляваная пісьменнікам, па сутнасці, гуманістычная. Доследы дыялектыкі душы асобы ён праводзіў на працягу доўгага часу праз мастацкія творы. Фактычна пачатак сацыялагічнай думкі ў беларускай літаратуры – гэта даследаванне праблемы двудушнасці ў творах беларускага пісьменніка. Такая праца М. Гарэцкага мусіць усведамляцца ў рамках псіхааналізу ў літаратуры. Сам М. Гарэцкі – пачынальнік гэтай плыні ў айчынным пісьменстве, а сфармуляваная ім дактрына пасвойму ўнікальная.

ЛІТАРАТУРА

- Беларуская энцыклапедыя. У 18 т. Мн., 1996. Т. 1.
 Гарэцкі М. 36. тв.: У 4 т. Мн., 1984. Т. 1
 Гарэцкі М. Лявоніус Задумекус // Палымя. 1993. № 2.
 Гарэцкі М. Творы. Мн., 1990.
 Гарэцкі М. Творы. Мн., 1995.
 Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1.
 Максімовіч В. Эстэтычныя пошукі ў беларускай літаратуры пачатку ХХ ст. Мн., 2000.
 Марціновіч А. Шляхам праўды: Выбраныя старонкі беларускай літаратуры ў святле сённяшняга дня. Мн., 1994.
 Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Мн., 1995.
 Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991.
 Чыгрын І. Паміж былым і будучым: Проза М. Гарэцкага. Мн., 1994.

Паступіў у рэдакцыю 07.01.2003.

Генадзь Вячаслававіч Кажмякін – бібліятэкар БДПУ імя М. Танка.

О.Л. КОРЕНЬКОВА

ПОЭТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА ГЕОРГИЯ ИВАНОВА “ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ”

Исследуется лирический цикл как жанровое образование, целостное восприятие которого позволяет проследить формирование мировоззренческой позиции Георгия Иванова. Анализ ивановского произведения “Отплытие на остров Цитеру”, осуществляющийся от заглавия к семантике стихотворений, его составляющих, выявляет специфические авторские особенности данного жанра.

Research subject is a lyrical cycle as a genre unit, its comprehensive realizing allows following the formation of the authors outlook concept. Unity analysis of Ivanov's work “Sailing off to the Island of Cythera” carried out from the headline to the semantics of verses which are forming it, reveals specific author's peculiarities of the genre.

Лирический цикл как особое “жанровое образование” (Фоменко 1992, 3), окончательно сформировавшееся в начале ХХ в. под влиянием идей В. Брюсова и А. Блока, получил широкое распространение среди поэтов того времени, а позднее стал предметом активного интереса литературоведов. Постепенное “исчезновение” традиционных лирических жанров, модернистская концепция взглядов на мир и искусство привели к тому, что во внимание стало приниматься *не одно стихотворение*, а их *совокупность*, ансамбль – цикл или же в широком значении книга стихов. Символисты поставили своей задачей воплощение в художественной ткани текстов не

единичного чувства, мгновения жизни, а воссоздать "...в пределах одного текста авторское **миросозерцание** как систему... Теперь каждое стихотворение становится воплощением одной из граней авторского миросозерцания, существующей только в соотношении и единстве с другими, и авторская концепция реализуется в определенном образом организованной системе стихотворений" (Фоменко 1992, 20). Необычность данного жанрового образования состоит в специфике подачи материала, так как, обладая своими характеристиками, цикл содержит полижанровые черты отдельных стихотворений, каждое из которых логически законченное целое, но, вступая в определенные "отношения" с другими стихотворениями, образует **метатекст**, новый уровень прочтения. Творчество Иванова напрямую не связано с идеями циклизации, так ярко проявившихся у поэтов-символистов и заявленных ими в предисловиях и комментариях к своим произведениям, но предпосылки к такому подходу, безусловно, существуют. Лирика Иванова периода эмиграции имеет ряд характерных особенностей, образующих целостность: каждое стихотворение, в отдельно взятом цикле, особым образом дополняет предыдущее или предваряет последующее. Собственно же циклы и книги стихов поэта периода эмиграции можно назвать "книгой жизни" или "романом в стихах", подобно блоковской "трилогии вочеловеченья". Каждый цикл/книга данного периода являются, с одной стороны, логически законченными, а с другой – образуют неразделимый контекст: «...разные стороны мировосприятия, представленные циклами, взаимодействуя друг с другом, образуют сложный "многогранник" книги» (Фоменко 1992, 23). Качественное изменение тематики, плавный переход от одного пафоса к другому, изменение лексического состава в каждом новом цикле/книге отражают процесс построения авторской модели мира. Установление циклических отношений, "циклообразующих связей" в отдельно взятой книге позволит выявить в системе сознательно организованных стихотворений "частичку" мировоззренческой позиции поэта.

Заглавие "Отплытие на остров Цитеру" (1937) омонимично произведению Иванова. "Отплытье на о. Цитеру" (1912): лишь вместо сокращения "о." – "остров", а также "исчез" мягкий знак в слове "отплытие". В лирических циклах заглавие играет немаловажную роль, называя все стихотворения сразу, оно объединяет их в единое целое. Возникает, по выражению И.В. Фоменко, "феномен заглавия", который предполагает установление связей: заглавие и текст, заглавие и контекст (семантика и происхождение заглавия). Мифопоэтические истоки заглавия цикла Иванова связаны с античностью. Остров Цитера (Кифера) – место рождения богини Афродиты (по Платону, Афродиты Урании, т. е. чистой, небесной), чей культ затем и установился на острове. Мифологический контекст заглавия ориентирует на живописные истоки, так как обращает к произведениям А. Ватто. На картине А. Ватто "Отплытие на Киферу" молодые влюбленные изображаются готовыми погрузиться на корабли. У Иванова в "Отплытии на о. Цитеру" – I выявляются мифоживописные ассоциации. Стихотворение "На острове Цитере" есть ничто иное, как "рисование", повторение картины А. Ватто:

Волны кружевом обшты
Сладко-пламенной луны,
Золотые хризолиты
Брызжут ввысь из глубины

На побережьях зеленых
Ждут влюбленных шалаши,
О желаньях утоленных
Напевают камыши...
(Иванов 1989, 10).

В раннем произведении поэта семантика заглавия соответствует содержанию стихотворения. Историко-культурный контекст заглавия цикла обна- руживает и литературные параллели в творчестве французского поэта- символиста Ш. Бодлера. У Бодлера встречаем стихотворение с практически аналогичным циклу Иванова заглавием "Путешествие на остров Цитеру" (пер. Элліса), текст которого, с одной стороны, связан с мифом, а с дру- гой – приближается к ивановскому осмыслению реальности, демонстрируе- мому в "Отплытии на остров Цитеру" – II:

Лазурь была чиста, и было гладко море,
А мозг укутал мрак...
(Бодлер 1998, 202).

Часть стихов из "Отплытия на остров Цитеру" – II Иванов пытался опу- бликовать ранее, но под другим заглавием: «Из книги: "Ночной смотр"». По каким-то причинам публикация не состоялась, и затем эти и другие стихи вошли в цикл "Отплытие..." – II. Этот момент подтверждает наличие автор- ской циклизации. Один из факультативных признаков цикла – вариатив- ность авторских решений в подборе стихотворений: сужение или разверты- вание цикла, "монтажность" композиции (М.Н. Дарвин). Не случайно объе- динение стихотворений под таким заглавием. Автор иронизирует над про- шлым, представляя в новом цикле крушение былых надежд. Один из цен- тральных мотивов цикла – "отплытие" предопределяется, намечается в за- главии. Здесь же и метафоричное указание направления пути – древний и загадочный остров Цитера. "Дешифровка" заглавия и центрального мотива "отплытия", обозначенного в нем, происходит при целостном восприятии и прочтении стихотворений, составляющих цикл, в результате которого и ус- матривается фактический разрыв с мифом и живописью. "Отплытие" для лирического героя Иванова – уход из жизни, смерть:

Это лодка скользит по волнам,
Это жизнь приближается к миру,
Это смерть улыбается нам...
(Иванов 1993, 298).

Мотив "отплытия", обозначенный в одном из первых стихотворений как "отчаливание лодки", в дальнейших стихах развивается, "разворачивается" и трансформируется в мотив "пути". Слово "путь" встречается почти в каж- дом стихотворении цикла. Одинакова ли конечная цель этого "пути"? Преж- де всего прочитывается "завуалированное", метафоричное "место назначе- ния": "...путь, где погибшее счастье лежит...", "...путь за звездами на се- вер...". Из контекста же всех стихотворений следует, что это "путь" к смерти как духовной, так и физической, что и подтверждается двумя последними стихотворениями:

Душа человека. Такою
Она не была никогда...
И вот умирает...
(Иванов 1993, 315)

и

Жизнь бессмысленную прожил...
Но... тоскует человек...
(Иванов 1993, 316).

Мотивы "отплытия" и "пути" являются сюжетобразующими в цикле "От- плытие на остров Цитеру". Сюжет в "Отплытии..." возникает как объедине- ние и раскрытие мотивов, находящихся в одном семантическом поле. Ком- позиция цикла (последовательность стихотворений) и указанные мотивы создают своеобразный сюжет "путешествия", события которого развивают-

ся в определенной хронологии: отплытие – путь – прибытие. Этот момент приближает данное произведение к лиро-эпическому образованию, так как здесь существенную роль играет очередность *событий*, свойственная эпическим жанрам. Тогда как лирике “в чистом виде” присуще развитие эмоциональных, чувственных переживаний.

С сюжетом связан и лексический уровень произведения. Если попытаться составить словарь ивановской лексики данного цикла, то станет очевидным, что глаголы со значением “движения” преобладают в цикле: “вьется”, “улетает”, “катится”, “падает”, “подымается”, “рассыпается”, “уходит”, “качаются”, “оплывает”, “замело”, “уплывают”, “улетают” и т. д. Преимущественно это глаголы настоящего времени, подтверждающие наличие некоторого процесса в данный момент, его “текучесть” сегодня, его актуальность для автора. Характерный лексический состав является одной из граней центральных мотивов “отплытия” и “пути”. К этому же относится и словарь служебных слов (предлогов) со значением “направления” (например, предлог “в” встречается в текстах 17 раз). И.В. Фоменко в статье о художественном мире автора говорит, что полнозначные (“осознанные”) слова воплощают преимущественно “осознанные”, “желаемые” мотивы, а в служебных, “неосознанных” словах воплощаются мотивы “неосознанные”. Ивановское “ощущение отношений в мире” совпало как на уровне полнозначных слов, так и на уровне служебных, что в полной мере актуализирует авторскую позицию в понимании действительности.

Сюжетное “движение” к смерти пронизывает все стихотворения цикла. Поэт говорит о ней либо в открытой форме: “...смерть улыбается нам...”, “...грозной, лучезарной смерть твоя была...”, “...и вот умирает...”, либо создает характерную образно-метафорическую систему: “вечный покой”, “...мир оплывает...”, “...за пределами жизни и мира...”, “...в саван нежный...”, “...веревка, пуля, ледяная тьма...”, “призрак”, “мертвый друг”. Тема смерти, сливаясь с мотивами “отплытия” и “пути”, отражает экстенсивный процесс поэтического познания мира автором в цикле (каждое новое стихотворение лишь новый пример, подтверждающий исходную тему). В этом закладываются элементы кольцевой композиции – возвращение в каждом новом стихотворении к обозначенным мотивам и темам.

Еще одним из важных циклообразующих элементов является подчеркнутая как на формальном, так и на содержательном уровнях “музыкальность” цикла. “Музыкальность” лирического произведения Иванова заключается в использовании некоторых музыкальных элементов, придающих его стихотворениям специфическое звучание, напевность. Поэт как бы “притягивает” песенные мотивы, чтобы полнее, чувственнее воссоздать картины гибели души и мира. Например, в стихотворении “О, высок, весна, высок твой синий терем...” обнаруживается близость к народной песне. Использование междометия “о” в начале строфы – особенность таких жанровых разновидностей народной песни, как плач и причитание (см. ст. “Сиянье. В двенадцать часов по ночам...”, “О, душа моя, могло ли быть иначе!..”). Использование повторов “высок, высок” также свойственно для народной песни. Для лирики Иванова присущи и романсные “напевы”. “Романс” возникает или путем привлечения “чужих” текстов, как в стихотворении “Это звон бубенцов издалека...” использована неточная цитата из романса А. Кусикова “Бубенцы”, или особым музыкальным оформлением текста, дающим возможность в написании музыки (см., например, ст. “Над розовым морем вставала луна...”, ставшее романсом на музыку А. Вертинского).

Значимое место в “музыкальном” построении ивановских стихотворений занимает “иллюзия полифонии”, т. е. создание синхронного звучания двух голосов при их реальной диахронии. В музыковедении полифония обладает целым рядом разновидностей, к которым относятся остинантные вариации

(*ostinato* – с італьянскага – упрямый, упорный, настойчивый), в которых мелодия темы не изменяется, а повторяется в одном из голосов как “cantus firmus” (прочный напев), варьируется же материал, излагаемый в голосах, основной мелодией не занятых (см. Б. Кац “Музыкальные ключи к русской поэзии”). В стихотворении “В шуме ветра, в детском плаче...” текст второго голоса “А могло ли быть иначе” приводится как эпифора в каждой строфе, а контекст создает иллюзию одновременного звучания обоих голосов. “Второй голос” выделяется Ивановым по началу графически, кавычками, а в последней строке два голоса сливаются окончательно, на что указывает исчезновение кавычек (в тексте “второй голос” нами выделен курсивом):

В шуме ветра, в детском плаче,
В тишине, в словах прощанья
“А могло ли быть иначе”
Слышу я, как обещанье.

Одевает в саван нежный
Всю тщету, все неудачи –
Тень надежды безнадежной
“А могло ли быть иначе”.

Все слова, все преступленья...
А могло ли быть иначе
(Иванов 1993, 314).

К остинантным полифоническим структурам также относится “органный пункт”, характеризующийся тем, что в одном из голосов (остинантном) повторяется одно и то же мелодическое образование, тогда как остальные голоса свободно излагают свой собственный, постоянно обновляющийся мелодический материал. В поэзии аналогом “органного пункта”, по наблюдению М.Л. Гаспарова, являются ассонанс и монорим. У Иванова по принципу “органного пункта” построено стихотворение “Россия счастье. Россия свет...”. На основе повторяющегося ударного и безударного “а” в стихотворении возникает иллюзия длящегося тона:

...И нАд НевоЙ зАкАт не дАгАрАл,
И Пушкин нА снегу не умираАл,

И нет ни ПетербургА, ни Кремл’ А –
Адни снегА, снегА, пол’А, пол’А...

СнегА, снегА, снегА... А ночь долгА,
И не рАстАют никогдА снегА...
(Иванов 1993, 299).

Как мы видим из графического обозначения (“А” – полужирным курсивом), звук “а” уподобляется второму голосу, остинантному. Регулярность повторения этого звука создает его длительность даже там, где нет акцента, ударения.

Монорим, т. е. композиция, построенная на одинаковых или схожих рифмах, используется Ивановым в стихотворении “О, душа моя, могло ли быть иначе!..”:

...Все-таки, душа, не будь неблагодарной,
Все-таки не плачь...
Над темным миром зла
Высоко сиял венец звезды полярной,
И жестоко^й, чисто^й, грозно^й, лучезарно^й
Смерть твоя была
(Иванов 1993, 308).

Рифма на “-ой” образует “плачущую цепочку”, развивая таким образом мотив “плача” души. Звучание мотива продолжено в предпоследней строке, где очевидна эпифора “-ой”. Графическое же смещение фразы “Над темным миром зла...” вправо как бы обозначает изменение направления голоса (А. Белый намеренно использовал такую технику построения стихотворения, чтобы передать определенное “мелодическое” единство).

В стихотворении “В шуме ветра, в детском плаче...” наблюдается двухголосье, но не реальное музыкальное двухголосье, а скрытое в одностроной мелодической линии. В стихотворении совмещаются тексты, принадлежащие на самом деле **разным** голосам:

*...Еще у этих берегов
Шумят деревья, плещут воды...*

Мир оплывает как свеча,
И пламя пальцы обжигает...

*...И не восстанут из гробов
И не вернут былой свободы –
Ни светлым именем богов,
Ни темным именем природы!..*
(Иванов 1993, 304).

(В этом случае “второй голос” для наглядности обозначается нами курсивом.) Сам автор выделяет “второй голос” многоточием в начале строки. Следовательно, создается одновременное звучание двух голосов при их *внешнем* разграничении. Такого рода композиция стихотворения практически точно воссоздает полифоничную музыкальную композицию.

“Музыка” на содержательном уровне ивановского цикла “овеществляется”: “...музыка путь освещает”, “черная музыка Блока”, “оживает”, надеясь свойствами человека: музыка “прощает”, “обещает”. Процесс “музыкального” познания мира проходит интенсивно, т. е. первоначальная “музыкальная” тема на протяжении цикла углубляется: “...музыка путь освещает...”, “...музыка, сводящая с ума...”, “...бессмертной музыкой звуча...”, а затем опровергается: “...музыка мне больше не нужна...”, “...умирающий звук...”, “...мертвая скрипка...”, т. е. прослеживается качественное изменение исходной темы в произведении.

Наряду с перечисленными поэтическими особенностями в цикле Иванова “Отплытие на остров Цитеру” можно отметить цветовую гамму: по ходу всего произведения доминирует “холодная” палитра “белый” и “синий” цвета, в семантике которых закладывается особое мироощущение – “ожидание” наступления смерти. Такое же действие оказывают ключевые слова: “сиянье”, “звезды”, “снег”, “свет”, “расплата” и многочисленные слова с отрицательными частицами, приставками или же отрицательные местоимения: “...никогда не простит...”, “...России вовсе нет...”, “неподвластна уже никому”, “...ничего не может изменить...”. На языковом уровне примечателен синтаксис. Преобладают назывные и двусоставные нераспространенные предложения: “Музыка. Тьма” или “Полночь. Сиянье”, “Звезды синют. Деревья качаются”. С помощью определенных синтаксических конструкций создается линия мгновности в цикле – быстротечность жизни и неизбежность смерти.

Поэтический текст – это и своеобразный монолог лирического героя. Как говорит герой, форма выражения своих мыслей и чувств является важным аспектом при анализе произведения. Для лирического героя цикла “Отплытие на остров Цитеру” характерен монолог в форме диалога. «“Феномен раздвоения личности”, раздираемой внутренними противоречиями, нашел специфическую форму речи – монолог в форме диалога» (Андреев 1995, 62).

Внутреннее противоречие лирического героя Иванова – жизнь и смерть, прошлое и настоящее – воплощается в разговорах с самим собой. Порой появляется “второе я” лирического героя в образе друга, к которому обращается лирический герой:

Послушай. О как это было давно,
Такое же море и то же вино.

– Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой,
Мы жили тогда на планете другой...
(Иванов 1993, 312).

Образ друга имеет двойственную природу в цикле: возможно его понимание как души героя (в стихотворении “О, душа, моя, могло ли быть иначе!..”) или же как “реального” собеседника, созданного воображением и воспоминаниями героя. Внутренняя речь – это цепочка вопросов-ответов героя, это разговор с прошлым, с памятью, с жизнью. Герой пытается решить внутренний конфликт, но разрешения противоречия нет – настоящее, действительность оказываются сильнее. “Отказываясь” от поисков выхода из создавшегося положения, духовного тупика, автор усиливает трагедийное начало цикла внедрением иронических “но”: “...Что ж, дорогие мои современники, // Весело вам?” (Иванов 1994, 303). Трагико-иронический пафос цикла обусловлен мировидением самого автора. Личная трагедия становится фактором возникновения иронии в отношении к обществу, к жизни. Кризис надежд на духовное освобождение в условиях разрушающегося, по мысли автора, мира, в ощущении неизбежности смерти, “ирония судьбы” и “ирония преодоления мира” зарождают экзистенциальные мотивы в творчестве Иванова.

Таким образом, каждая деталь, образ, тема, мотив имеют “свое” воплощение в определенном стихотворении, но авторская организация, подача материала, основанная на тематическом, сюжетно-композиционном, “музыкальном”, лексическом и синтаксическом единстве стихотворений, отражает поэтические особенности лирического цикла как жанрового образования, дающего поэту возможность построения своей **модели мира**.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А. Н. Целостный анализ художественного произведения. Мн., 1998.
Бодлер Ш. Стихотворения. М., 1998.
Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925-х годов в комментариях. М., 1993.
Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово, 1983.
Иванов Г. В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989.
Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 1.
Кац Б. Музыкальные ключи к русской поэзии. СПб., 1997.
Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992.
Фоменко И. В., Фоменко Л. П. Художественный мир и мир, в котором живет автор // Литературный текст. Проблемы и методы исследования. Тверь, 1998.
Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984.
Холл Дж. Словарь сюжетов и символов. М., 1999.

Поступила в редакцию 03.06.2003.

Ольга Леонидовна Коренькова – лаборант кафедры восточных языков факультета международных отношений.